
Т.В.Гайдай, канд. экон. наук

Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко

ИНСТИТУЦИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

В статье раскрыты генезис и дальнейшая эволюция теоретических определений категории "институция", осуществлен сравнительный анализ ее современных интерпретаций представителями основных течений институциональной экономической теории.

Возросшая в последние годы актуализация институциональной экономической проблематики является убедительным свидетельством усиления влияния и авторитета институционального направления экономической теории в мировой и отечественной научной среде.

Научная адаптация, популяризация и последующая активная разработка институциональных экономических проблем (методологических, теоретических, прикладных) была начата на постсоветском пространстве такими российскими учеными, как А.Аузан, А.Олейник, А.Шаститко, Р.Капелюшников, Р.Нуреев, А.Нестеренко, В.Полтерович, А.Московский, В. Вольчик, Ю. Латов, А.Тарушкин, О.Иншаков, Д.Фролов и др. В Украине плодотворную разработку институциональных проблем трансформационной экономики осуществляют такие ученые, как С.Архиереев, А.Гриценко, В.Дементьев, П.Ещенко, В.Лагутин, И.Малый, В.Мандыбура, А.Маслов, Е.Нестеренко, Ю.Павленко, С.Панчишин, О.Прутская, Р.Пустовийт, В.Тарасевич, А.Чаусовский, В.Якубенко, О.Яременко и др. Внимание работающих в данном научном направлении не могут также не привлекать интересные теоретические разработки в области институционального экономического анализа, составляющие содержание публикаций соответствующей тематической рубрики фундаментального профессионального издания "Экономическая теория".

Вместе с тем нельзя не заметить, что одновременно в отечественной экономической теории сформировалась своеобразная конъюнктурная "мода" если не всегда на реальную институциональную проблематику, то, однозначно, – на институциональную терминологию. Анализ экономической литературы последних лет подтверждает массовое тиражирование в названиях многочисленных публикаций таких терминов, как "институты", "институции", "институциональные факторы", "институциональные аспекты". Но при этом зачастую институциональная терминология используется лишь как средство поверхностного конъюнктурного осовременивания текста, его категориального "украшательства". Далеко не одиноки случаи употребления этих понятий не в соответствии с их реальным экономическим содержанием.

Это, на наш взгляд, ставит проблему терминологической корректности и категориальной согласованности институциональных исследований. Ее решение требует более тщательного научного обоснования экономического содержания категориального аппарата институционального экономического

анализа. Прежде всего, речь идет о конкретизации экономической сути таких базовых категорий, как "институция" и "институт", установление адекватности их употребления реальному экономическому содержанию, в чем и заключается цель данной публикации. Ее основными исследовательскими задачами являются выяснение теоретического содержания экономической категории "институция" в контексте эволюции институциональной теории, проведение сравнительного анализа ее современных интерпретаций представителями институционального направления с учетом его растущей структурной дифференциации, наконец – критический анализ существующих проявлений терминологической несогласованности при употреблении данной категории в отечественной экономической теории.

1. Исходная категория институционализма

Введение в научный экономический оборот институциональной терминологии происходило в процессе становления институционального направления экономической теории на рубеже XIX–XX веков. Начало было положено выходом в свет программной статьи основоположника раннего институционализма американского ученого Т.Веблена "Почему экономика не является эволюционной наукой" (1898).

Генезис раннего традиционного институционализма (в литературе также именуемого "старым"), с которого началось развитие данного направления, происходил синхронно в США и странах Западной Европы. Есть реальные основания полагать, что в конце XIX – в начале XX века и в украинской экономической мысли также прослеживалось формирование институциональной направленности теоретических исследований (Н.Бунге, Д.Пихно, М.Туган-Барановский, Н.Зибер, Н.Соболев, В.Железнов, В.Левитский и др.)¹. В значительной мере это было обусловлено мощным теоретико-методологическим влиянием основного источника протоинституциональной научной традиции – немецкой исторической школы. К сожалению, полноценный генезис отечественного институционализма был прерван, блокирован и впоследствии искоренен теми последствиями, которые имели для экономической науки события 1917 года. В целом же в мировой экономической теории институционализм в первой трети XX века превратился в самостоятельное научное направление. В США он фактически оставался доминирующим до 1940-х годов.

Название "институционализм" укоренялось в научном употреблении постепенно. Этому способствовало развертывание длительной и массовой дискуссии об "институциональных подступах к экономической теории", начатой в 1918–1919 годах американским институционалистом Уолтоном Гамильтоном на страницах профессионального журнала "Американское экономическое ревю".

Именно институция как исходная категория институциональных исследований дала начало названию одноименного научного направления – институционализма. *Институция – это основной объект исследования, центральная категория и аналитический инструмент институциональной теории.*

Введение категории "институция" в экономический научный оборот было начато пионерами традиционного институционализма. Следует обратить внимание на то, что и Т.Веблен, и У.Гамильтон, и Дж.Коммонс, и другие в

¹ См. подробнее: Гайдай Т.В. Інституційна спрямованість економічних поглядів М.Х.Бунге // Микола Бунге: Сучасний дискурс / За ред. В.Д. Базилевича. – К., 2005. – С. 82–97; Гайдай Т.В. Інституційні аспекти теоретичної спадщини Київської політекономічної школи // Вісник Київського національного університету імені Тараса Шевченка. Економіка. – Вип. 74. – К., 2005. – С. 12–16.

своих трудах употребляли единый экономический термин "institution" – институция. У Веблена речь шла об "экономическом исследовании институций" ("An Economic Study Institutions"), у Коммонса – об институциональной экономической теории ("Institutional Economics" – труд 1934 г.). Именно термин "институция" стал общеупотребительным среди их многочисленных преемников и последователей.

Определенные основания имеет под собой утверждение о том, что в дальнейшем в институциональной экономической теории термин институция потерял ключевую роль, сохранив свое значение преимущественно в качестве указания на этимологическую основу названия в целом направления². Но при этом обязательно следует отметить, что в действительности данный процесс носил временный характер. В 50-70-х годах XX века термин институция на некоторое время выходит из активного научного употребления, сохраняя свою консолидирующе-опознавательную и интегрирующую роль преимущественно в названии данного направления. В значительной мере это было обусловлено стремительным расширением круга объектов, а как следствие – и проблематики институциональных исследований, переключением внимания авторов институциональной принадлежности на изучение конкретики множественных проявлений общественной и техногенной трансформации развитых рыночных экономик в середине и второй половине XX века.

Возобновление и значительное расширение использования категории институция в зарубежной (как впоследствии и в отечественной) экономической теории и литературе вызваны волной актуализации, популяризации и роста научного интереса к институциональным проблемам, ознаменовавшей последние десятилетия XX и начало XXI века. Это связано с качественно новым этапом развития самой институциональной теории, начавшимся в последней трети прошлого века и заключавшимся в превращении институционализма из сравнительно периферийного теоретического ответвления экономической науки в довольно влиятельное, мощное и наиболее теоретически разветвленное научное направление.

Следует отметить, что представители всех последующих течений институционализма – как традиционного, так и нового – так же, как и их предшественники, пользуются единым экономическим термином – институция (institution).

Вместе с тем, в употреблении данной категории сначала в советских, а позже в российских и украинских экономических источниках сложился, на наш взгляд, ряд типичных проявлений не только лингвистической (вербальной), но, что существеннее, и содержательной некорректности.

Во-первых, как уже отмечалось, из историко-экономических изданий советской эпохи в современную широкую экономическую литературу перекочевало искусственное привнесение *двух экономических терминов* – "институция" (в смысле – привычек, обычаев, неформальных установок) и "институт" (в смысле – формализованного воплощения и официального закрепления институций).

Во-вторых, наряду с этим имеет место параллельное употребление во всех оттенках предыдущих значений *одного универсального термина* – институт. В российских экономических источниках и переводах зарубежных трудов донныне распространено употребление этого термина как полного заместителя понятия институции (как неформальной, так и формальной). В этом ка-

² Сорокина С. Предисловие. В кн.: Веблен Т. Теория праздного класса. – М., 1984. – С. 6.

честве данный термин был автоматически заимствован (привнесен) в украинские источники как калька русифицированного употребления.

Независимо от первичного экономического содержания, которое вкладывалось в понятие институции основателями институциональной теории, современные исследователи, особенно из числа тех, кто глубоко не осведомлен в ее содержании и методологии, достаточно произвольно оперируют обоими понятиями, причем часто по своему собственному усмотрению. Это, конечно, нисколько не проясняет суть декларируемых ими "институциональных аспектов" и "институциональных проблем", а лишь отдаляет от их реального содержания.

В-третьих, нередко встречается *вербальное отождествление институций* (в массовом употреблении – институтов) со всеми явлениями или образованиями, имеющими полиморфную структуру, а чаще всего – с понятием организации.

Неприемлемость всех этих подходов попробуем обосновать далее.

2. Институт или институция?

Едва ли не самая первая попытка теоретической интерпретации институции предпринята патриархом американского институционализма Т.Вебленом в труде "Теория праздного класса" (1899). Полное оригинальное название этого произведения – "Theory Leisure Class: An Economic Study Institutions" – было в свое время переведено по-русски в усеченном виде, вследствие чего утратилась ее концептуально и категориально важная составляющая: "Экономическое исследование институций".

В этой связи отдельного рассмотрения заслуживает редакционное комментирующее предисловие к русскому переводу данного произведения. В советское время подобные вступительные статьи играли роль идеологического канона, образца последующей общепринятой интерпретации научного творчества того зарубежного ученого, чей труд переводился. Автор предисловия С.Сорокина замечает следующее: "Термин "институционализм" связан с двумя понятиями: "институция" – установление, обычай, порядок, принятый в обществе, и "институт" – закрепление обычаев и порядков в виде закона или заведения. Разделение этих понятий довольно условное, поскольку в концепциях институционалистов они имеют чрезвычайно широкое и размытое содержание"³.

В предисловии и далее по тексту русского перевода недвусмысленный Вебленовский термин "institution" (зафиксированный и в названии этого произведения) был переведен как "институт". По сути, таким образом произошла подмена упоминаемых понятий и безосновательная монополярная интервенция термина "институт" сначала в советский, а в дальнейшем и в современный славяноязычный научный экономический оборот. Кстати, подмена не аргументированная и не мотивированная. В дальнейшем категориальные "каноны" институционализма были привнесены в тиражируемые учебные и научные издания советской эпохи, откуда и тянется "шлейф" терминологических искажений.

Следует заметить, что вследствие этого поле применения первого из упоминавшихся терминов – институции – было безосновательно минимизировано. Из-за будто бы кажущейся архаичности он был фактически изъят из научного употребления советской эпохи (в то время речь шла преимущественно об историко-экономической отрасли). Его место монополярно занял термин "институт".

³ Сорокина С. Предисловие. В кн.: Веблен Т. Теория праздного класса. – С. 6.

Волевой отход от "институции" как названия, вербального символа основного объекта институционального анализа, повлек за собой подмену, обеднение и выхолащивание его начального категориального содержания. Введение в научный оборот понятия "институт" в предлагаемом выше смысле (закон или заведение) со временем привело к его последующему преимущественному отождествлению с понятием заведения, организации. Возникает резонный вопрос: а что дает существование двух равнозначных терминов для обозначения одного смысла?

Вхождение англоязычного термина "institution" в научное экономическое употребление в виде института могло бы быть оправданным как вариант языковой адаптации термина, что в таком смысле, в принципе, не вызывает возражений. Но, во-первых, для этого нет веских оснований. Во-вторых, в таком случае теоретически и терминологически необоснованным становится параллельное употребление еще одного дублирующего термина – "институция". Это категориальное удвоение, как отмечалось, впоследствии было привнесено и в украинские источники, что породило искусственную терминологическую несогласованность и двойственность.

3. Генезис категориального определения институций

Первые научные подходы к категориальному определению понятия институции были разработаны основоположниками раннего институционализма – Т.Вебленом, У.Гамильтоном, Дж.Коммонсом и др.

Представление о том, какое содержание Т.Веблен вкладывал в это понятие, в определенной мере дает его программный труд "Теория праздного класса: Экономическое исследование институций". Кстати заметим, что это, к сожалению, единственный труд ученого, который благодаря переводу стал доступен широкому кругу отечественных специалистов. В нем под институциями (от латинского "institutio" – обычай) Т. Веблен понимает комплекс обычных способов мышления об отношениях между человеком и обществом, а также общепринятое поведение. Веблен исходил из того, что "институции – это результаты процессов, происходивших в прошлом, они приспособлены к обстоятельствам прошлого и, таким образом, не вполне соответствуют требованиям настоящего времени"⁴.

Вместе с тем у Веблена речь идет не столько об "учебниковой" четкости категориального определения, сколько о первичном *опредмечивании институций* как нового объекта экономического исследования. Основное внимание автор уделял теоретическому и содержательному наполнению данного понятия. Ученый не столько конкретизирует (уточняет) сущность данной категории, сколько постепенно *разворачивает ее содержание концептуально и контекстуально*.

Концептуализация институций осуществляется Т.Вебленом на протяжении всего продвижения теоретического исследования. Раскрытие предметного содержания институций растворено в совокупности других исследуемых им аспектов (анализ социально-экономического феномена праздного класса, эволюции власти и собственности, противоречий между интересами бизнеса и потребностями индустриального развития и т. п.). А поэтому данное понятие приобретает содержательный вес только в общем контексте данного произведения.

В своих более поздних трудах Т.Веблен трактовал институции схожим образом. В частности, в труде "Место науки в современной цивилизации и другие аспекты" (1919) он пишет о них как об "устоявшихся навыках мышле-

⁴ Веблен Т. Теория праздного класса. – М., 1984. – С. 202.

ния, общих для большинства людей"⁵, подчеркивая, что институты являются продуктом длительного предшествующего историко-социального опыта людей. Также Т.Веблен исследовал культурные и психологические основы определенных типов институций и исторических эволюционных институциональных изменений⁶.

В статье в "Энциклопедию общественных наук" (1932) другой представитель раннего институционализма У.Гамильтон определил институты следующим образом: "Институты – это вербальный символ для лучшего обозначения ряда общественных обычаев. Они означают преобладающий и стойкий способ мышления или действия, ставший обычным для группы и превратившийся для народа в обычай. В повседневной речи – это иное слово для обозначения "процедуры", "общего согласия" или "договоренности"; книжным языком – народные обычаи, равно как и денежная экономика, классическое образование, фундаментализм и демократия являются "институциями"⁷.

Значительный вклад в разработку методологических основ институционализма осуществил другой представитель раннего американского институционализма Дж.Коммонс. Исследования Коммонса содержат теоретическое воспроизведение нового – правового, юридического аспекта реализации институций. Он положил начало разграничению в содержании категории институции как неформального, вытекающего из обычаев, так и формального, правового, аспектов.

Таким образом, ранние институционалисты, несмотря на незначительные отклонения в оттенках значений, под *институцией* (institution) преимущественно понимали совокупность установившихся обычаев, традиций, способов мышления и поведенческих стереотипов индивидов, социальных групп и общества в целом. Это – выработанные предшествующим социальным развитием и унаследованные последующими его фазами установившиеся ментальные и поведенческие образцы, которые регулируют, регламентируют взаимодействие людей на уровне обычаев и права. Как отмечал в этом контексте М.Блауг, институциональная теория содержала анализ обычаев, которые выкристаллизовались в виде экономических институций⁸.

Для раннего институционализма категория "институция" служила своеобразным "тараном" для прорыва экономической теории в отрасль междисциплинарных исследований, смежных с другими общественными науками. Она выступила теоретическим средством включения социального, исторического и культурного антропогенеза в плоскость экономической науки (переход от анализа "экономического человека" ко всесторонности, универсальности "социального человека"). Как стержень институциональных исследований эта категория воплощала противодействие со стороны экономической гетеродоксии по отношению к преобладающей с конца XIX века тенденции сужения предмета экономической науки до границ абстрактно-формализованной "чистой" экономической теории, декларируемой представителями маржинализма и неоклассики.

4. Современное категориальное наполнение содержания институций

⁵ Veblen T. The Place of Science in Modern Civilisation and Other Essays. – N.-Y.: Huesch, 1919. – P. 239.

⁶ Ekelund R.B., Hebert R.F. A History of Economic Theory and Method. – 4th ed. The McGRAW – Hill Companies, inc. – N.Y. – 1997. – P. 428.

⁷ Hamilton W. Institution. Encyclopaedia of the Social Sciences. – New York, 1932. – v. VIII. – P. 84.

⁸ Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе. – М., 1994. – С. 657.

Несмотря на чрезвычайно широкую внутреннюю структурную дифференциацию институциональной теории, базовым методологическим принципом, обуславливающим признаки методологического родства всех ее течений, следует признать применение институционального метода, базирующегося на использовании *институции* как главного аналитического инструмента исследования, базовой составляющей аналитических моделей основных течений институционального направления.

Теоретическая интерпретация этой категории существенно эволюционировала со времени основателей "старого" институционализма. Между тем, существующим подходам к определению данной категории и прежде, и сейчас, по признанию самих представителей институционализма, недостает достаточной четкости и однозначности, что усложняет полное согласование имеющихся точек зрения. На это существует ряд онтологических и гносеологических причин, которые заслуживают отдельного рассмотрения.

В значительной мере это обусловлено преимущественно конвенционным восприятием представителями институционального направления содержания институции как объекта исследования. Как правило, в трудах, посвященных не проблемам институциональной методологии, а отдельным теоретическим проблемам функционирования и развития институциональной структуры общества, авторы могли вполне удовлетворяться предварительно сформированными образцами теоретического понимания институций. Поэтому в своем большинстве и не добивались дополнительного оттачивания их категориальной четкости. Довольно типичный пример, что О.Вильямсон, автор одной из наиболее фундаментальных монографий данного направления – "Экономические институции капитализма" (1985), вообще не дает в ней определения этого понятия, отсутствует оно и в разветвленном предметном указателе к работе.

Такое положение вещей подтверждает Джеффри Ходжсон – автор труда по методологии и теории традиционного институционализма, имеющего красноречивое название "Экономическая теория и институции: Манифест современной институциональной экономической теории" (1988). Он признает, что сейчас, через двадцать лет после начала работы над своей книгой, при более позднем критическом взгляде также вынужден признать отсутствие в ней адекватного определения институций. Этот пробел ученый наверстал в предисловии к ее последнему, русскому, изданию, подчеркивая, что проблема определения институций стала предметом длительной теоретической полемики, и полное согласие в этом вопросе еще не достигнуто. В условиях современной популяризации институциональной проблематики дискуссия в значительной мере выходит за пределы узкого круга специалистов данной области. Именно поэтому особую методологическую и теоретическую ценность имеет рассмотрение основных подходов к определению сути институций, сформированных наиболее авторитетными представителями ведущих течений институционального направления. Учитывая это, остановимся на некоторых из них несколько подробнее.

Активному возвращению в широкое научное употребление категории институция, а также более четкой структуризации ее внутреннего содержания экономическая теория обязана новому институционализму. Значительный вклад в теоретическую разработку категории "институция" в структуре нового институционализма осуществил его ведущий представитель, основатель новой экономической истории, лауреат Нобелевской премии (1993), автор многочисленных теоретических исследований в этой области Даглас Норт. Содержание его теоретико-методологических новаций в целом сводится к следующему.

Во-первых, в своем известном труде "Институты, институциональное изменение и функционирование экономики" (1990) Д.Норт определяет институты как установленные в обществе "правила игры" или созданные человеком ограничительные рамки, которые рассматриваются отдельно от индивидов и организаций. Они организуют взаимодействие между людьми, уменьшают экономическую неопределенность с помощью структурирования ежедневной жизни, а также предусматривают систему механизмов, обеспечивающих их выполнение⁹.

Во-вторых, Д.Норт обосновывает и последовательно придерживается разграничения институций (норм и правил игры) и организаций (участников игры), которые функционируют в сфере институциональных ограничений. Это более поздний и зрелый подход в институциональной теории, поскольку раньше иногда встречалось смешивание этих двух понятий. В институциональных трудах последнего десятилетия этот подход получил признание и преобладающее распространение.

В-третьих, Д.Норт также ввел четкое структурирование институций на неформальные и формальные. Под *неформальными институциями* он понимает существующие неофициальные, неправовые ограничения. К ним принадлежат определенные традиции, установленные обычаи, неписаные кодексы поведения, хозяйственная этика, культурное наследие и ментальные стереотипы. *Формальные институты*, по Норту, – это официальные, правовые ограничения, являющиеся результатом придания правовых рамок институциональным нормам общества, то есть их юридическим закреплением и соответствующим организационным воплощением.

В последнее время качественные сдвиги в уточнении категориального содержания институций произошли и в рамках современного традиционного институционализма, наследующего теоретическую традицию Веблена. В определенной мере это обусловлено влиянием теоретических достижений новой институциональной теории как достаточно успешной конкурирующей исследовательской программы. Также сыграли роль продолжительные усилия новой генерации представителей традиционного институционализма по укреплению и совершенствованию собственной исследовательской программы, преодолению свойственной ей категориальной нечеткости.

Примером теоретической интерпретации институций представителями современного традиционного институционализма является уже упоминавшаяся программная монография его лидера Дж.Ходжсона "Экономическая теория и институты: Манифест современной институциональной экономической теории". В ее первом издании 1988 года автор дает следующее определение институции (в рус. переводе – института): "В данной книге она определяется как социальная организация (устройство – *Г.Т.*), которая через традицию, обычай или правовые ограничения формирует долговременные рутинизированные схемы поведения"¹⁰. Под рутиной понимается стойкость, инертность, малоподвижность в историческом времени, постоянная воспроизводимость обычаев, традиций и других элементов неформальной институциональной среды. Этими их качествами обеспечивается генетическая преемственность достижений исторического и национально-культурного развития человеческих сообществ. Именно благодаря учету этой продолжительности и рутинизованности, по мнению автора, открываются дополнительные познавательные

⁹ Норт Д. Інституції, інституційна зміна та функціонування економіки. – К., 2000. – С. 12.

¹⁰ Ходжсон Дж. Экономическая теория и институты: Манифест современной институциональной экономической теории. – М., 2003. – С. 37.

возможности практического применения данного понятия в теоретических исследованиях.

В предисловии к последнему, русскому, изданию своей книги 2003 года Дж.Ходжсон, критически высказавшись о неудовлетворительности прежнего определения институции, предложил свое нынешнее видение содержания данной категории. Ученый отметил, что начини он сегодня снова писать свое произведение, у него появилось бы искушение многое в нем изменить, хотя общая направленность аргументации осталась бы прежней. Это, в первую очередь, касается определения понятия институции. "Лично я определяю институции в основном как долговечные системы правил, которые сложились и укоренились, которые придают структуру социальным взаимодействиям. Короче говоря, институции суть системы социальных правил"¹¹. По Ходжсону, в понятие институций включаются, во-первых, как нормы поведения и социальные конвенции, так и, во-вторых, юридические и формальные правила.

Внимательное сравнение интерпретации институций лидерами передовых течений (исследовательских программ) современного институционализма – Д.Нортом и Дж.Ходжсоном – красноречиво свидетельствует о наличии признаков сближения их позиций. Это общее концептуальное видение институций созвучно подходам большинства представителей институциональной теории.

Одно из наиболее полных определений институций дано английским ученым Э.Остромом: "Институции" могут быть определены как наборы работающих правил для признания того, кто должен принимать решение в определенных сферах, каких общих правил следует придерживаться, каким процедурам необходимо следовать, какую информацию следует или не следует продуцировать, какие окончательные последствия будут иметь для индивидов те или иные их действия. ... Все правила содержат предписания о том, что запрещено, что разрешено или как следует действовать. Работающими правилами являются реально действующие, за которыми существует контроль и принуждение к их соблюдению в случае, когда индивиды делают выбор относительно своих действий ..."¹².

Так, Е.Фуруботн и Р.Рихер, авторы обобщающего труда "Институции и экономическая теория. Вклад новой институциональной теории" (1998), под институциями точно так же понимают набор формальных и неформальных правил, а также побудительных мероприятий к их соблюдению¹³.

В.Каспер, автор монографии "Институциональная экономика: социальный порядок и общественная политика" (1999), отмечает: "Институции – правила взаимодействия людей, которые по возможности ограничивают оппортунистичное и беспорядочное индивидуальное поведение, таким образом делая его более предугадываемым и тем самым облегчая разделение труда и создания богатства. Термины "институция" и "правило" используются в данной книге как взаимозаменяемые"¹⁴.

Дж.Кемпбелл в монографии "Институциональное изменение и глобализация" (2004) дает следующее определение основополагающей категории институциональной теории: "Институции являются фундаментом обществен-

¹¹ Там же.

¹² Ostrom E. Governing the Commons: The Evolution of Institutions for Collective Action. – Cambridge: Cambridge University Press, 1990. – P. 51.

¹³ Furubotn E.G., Richter R. Institutions and Economic Theory. The Contribution of the New Institutional Economics. – The University of Michigan Press. – 1998. – P. 6.

¹⁴ Kasper W. Institutional economics: social order and public policy. – Bodmin, Cornwall, 1999. – P. 30.

ной жизни. Они состоят из формальных и неформальных правил, механизмов наблюдения (monitoring) и принуждения (enforcement) к их соблюдению, а также систем значений, определяющих контекст, в пределах которого индивиды, корпорации, профсоюзы, национальные государства и другие организации действуют и взаимодействуют друг с другом. Институты являются регуляторами, порожденными борьбой и соглашениями (договоренностями)" ¹⁵. Дж.Кемпбелл считает, что институты отражают ресурсы и власть тех, кто их устанавливает, и, в свою очередь, влияют на распределение ресурсов и власти в обществе. "Возникнув, институты становятся мощными внешними силами, помогающими определять, каким образом люди наполняют содержанием свой мир и действуют в нем. Они регулируют конфликты и таким образом обеспечивают стабильность в обществе. Без институций жизни делается хаотичной и более сложной" ¹⁶. По мнению Дж.Кемпбелла, наиболее убедительным примером значимости регулирующей функции институций являются пагубные последствия их стремительного разрушения с падением коммунистических режимов в восточноевропейских странах: "Внезапное ослабление старых институций повлекло огромный беспорядок с началом движения этих стран в направлении к капитализму и демократии. Национальные политические системы были внезапно наводнены десятками политических партий и групп по интересам, соперничавших за власть в неустойчивых коалициях. Экономику одолевала все разновидности мафии, авантюристов и других темных личностей, делавших коммерцию непредсказуемым и временами опасным образом. ... В результате – создание новых политических и экономических институций стало одной из самых неотложных задач посткоммунистических стран" ¹⁷.

Институциональное проектирование, действительно, является одним из определяющих направлений реализации трансформационных изменений в отечественной экономике. Его сложность заключается в масштабности институциональных преобразований, отсутствии возможности воспользоваться собственными институциональными образцами, которые бы прошли предварительный длительный естественно-эволюционный отбор (как это было в развитых рыночных странах). Речь идет об инновационном характере институционального социально-экономического реформирования начала XXI века, сложности отбора заимствованных институциональных образцов, инертности (стойкости) имеющихся традиций и привычек, а также противоречивом характере адаптации институциональных заимствований к существующей неоднородной неформальной и формальной институциональной среде. Все вышеупомянутое актуализирует углубленную теоретическую разработку институциональной проблематики в системе современного экономического знания.

5. Усложняющие факторы категориального определения институций

Вместе с тем, анализируя как историческое развитие институциональной теории, так и ее теперешнее состояние, не можно не признать реальное существование определенных (даже значительных) объективных и когнитивных (познавательных) сложностей понятийно-категориального восприятия и отображения сущности институций. Они в свою очередь связаны с наличием целого комплекса специфических онтологических и гносеологических факто-

¹⁵ Campbell J.L. Institutional Change and Globalization. – Princeton and Oxford: Princeton University Press, 2004. – P. 1.

¹⁶ Там же. – С. 21.

¹⁷ Там же. – С. 1.

ров, усложняющих теоретическое фиксирование и воспроизведение содержательного наполнения институций. Более полное структурирование или систематизация указанных факторов требуют отдельной разработки, но первый шаг в данном направлении попытаемся осуществить уже сейчас.

Считаем, что основные *усложняющие онтологические факторы* обусловлены прежде всего множественностью форм реализации институционального устройства общества, то есть сложностью, *полиморфностью* природы самих институций как объекта научного исследования. Этим объективно усложняется познание и достижение учеными однозначности в понимании их сущности и природы. Полиморфность – существование чего-либо в различных формах. То есть, *во-первых*, идет речь о множественности форм проявления институций. В структуре последних обычно выделяются политические, правовые, социальные, этно-национальные, социо-культурные, экономические, этические, моральные, культовые, религиозные, обычаи и др. нормы (правила). *Во-вторых*, необходимо отметить, что такое деление является несколько теоретически упрощенным, поскольку следует вести речь о переплетении, взаимопроникновении, сращивании институций. *В-третьих*, речь также идет о возможности одновременной принадлежности одних и тех же институций разным сферам социальной жизнедеятельности человека и общества. В этом также проявляется их полиморфная природа.

Не менее существенным является другой комплекс *усложняющих гносеологических факторов*, связанных, на наш взгляд, с особенностями познания институций как предмета теоретического исследования. Среди основных гносеологических факторов необходимо назвать следующие.

Во-первых, – это теоретико-методологическая специфика традиционного институционализма как исследовательской программы, в рамках которой была начата и длительное время преимущественно осуществлялась разработка категории "институция". Будучи научной альтернативой (вызовом) экономической ортодоксии (неоклассики), традиционный институционализм длительное время демонстрировал игнорирование суровой аналитикой, дедуктивным методом, категориальной четкостью и утонченностью. Поэтому труды традиционных институционалистов как ранних (или "старых"), так и современных отличались аморфностью или рыхлостью теоретического построения, отсутствием твердого структурного ядра исследовательской программы, а как следствие этого – большей категориальной нечеткостью по сравнению с другими направлениями.

Таким образом, на категориальную разработку институций существенный отпечаток наложили те общие методологические изъяны, которые в целом свойственны исследовательской программе традиционного институционализма: размытость, расплывчатость, отсутствие аналитической утонченности и др.

Во-вторых, среди других факторов длительная недостаточная категориальная разработанность институций значительной мерой обуславливалась игнорированием данной категории (как и институционального подхода в целом) представителями Западной экономической ортодоксии в контексте ее общего предубежденного отношения к традиционному институционализму.

В-третьих, – это консервация на длительное время категории институция в первоначально разработанном виде. Дело в том, что со времени выхода первых работ ранних институционалистов (конец 1890-х годов) и до новой волны институционального возрождения (с конца 1970-х годов) в институциональной теории не происходило существенных изменений в разработке категориальной определенности институций. На протяжении этого времени они *конвенционно* воспринимались исключительно институционально ориен-

тированным научным сообществом, причем именно на том уровне разработки, который оставили основоположники традиционного институционализма. То есть преимущественно концептуально, а не категориально. Оставшись в названии направления, сам термин на длительное время (1950-70-е годы) выходит из активного теоретического употребления, растворяясь в предметной пестроте институциональных исследований.

В-четвертых, как следствие указанных обстоятельств, существенные позитивные сдвиги в теоретической и категориальной разработке институций начались лишь с последней трети XX столетия. Это непосредственно связано с началом интенсивного научного развития нового институционализма – исследовательской программы, которая синтезировала рациональные элементы экономической ортодоксии с институциональным анализом. Общая актуализация институциональных исследований на новой методологической основе (Р. Коуз, О. Уильямсон, Д. Норт и др.) обострила научный интерес и к центральной категории институционального анализа – институций. Под влиянием этого также активизировались встречные попытки представителей новой волны современного Вебленовского традиционного институционализма (Дж. Ходжсон и др.) дать более четкую категориальную интерпретацию институций.

Таким образом, к категориальной интерпретации институций следует относиться исторически и комплексно. То есть, во-первых, учитывать онтологическую и гносеологическую эволюцию, сопровождавшую развитие институций как элемента социально-экономического устройства общества и собственно развитие институциональной теории. А также, во-вторых, принимать во внимание в комплексе весь спектр теоретических наработок различных течений (а соответственно и исследовательских программ) институционализма, призванных углубить и уточнить раскрытие научного содержания данной категории.

Обобщение подходов, содержащихся в трудах ранних и современных, традиционных и новых институционалистов, позволяет сделать вывод о преемственности в развитии их теоретических представлений о природе и экономическом содержании институций. В процессе эволюции и сближения имеющихся концептуальных подходов к категориальному определению институций в пределах основных течений институциональной теории сформировалось обобщенное понимание институций, которое заключается в их рассмотрении как системы норм и правил, упорядочивающих, структурирующих социально-экономическое взаимодействие экономических субъектов и социальных групп. Институциональная структура экономики предстает собой упорядоченный набор институций, регламентирующих (определяющих правила, стойкие образцы, модели), координирующих экономическую жизнедеятельность общества. Она состоит из господствующих неформальных (установлений, традиций, обычаев) и формальных (правовых) норм и правил, определяющих функционирование соответствующего типа экономической системы.

Функциональное назначение институций заключается в определении рамочных ограничений реализации экономической мотивации и поведения хозяйствующих субъектов, экономических выборов, отношений и процессов. Действие правил и санкций создает необходимый уровень общественного порядка, делает экономическую жизнь более стабильной и предсказуемой. Эффективность функционирования институций зависит как от их качества, так и от всеобщности и действенности побудительных механизмов к их соблюдению.